

журналов и протоколов заседаний органов городского и земского самоуправления. В этих фондах представлены материалы о выдаче ссуд и займов на реализацию различных социальных проектов, об открытии и преобразовании учебных, медицинских и благотворительных заведений.

С данной группой тесно связаны фонды органов самоуправления белорусско-литовских губерний. В них содержатся материалы, позволяющие более подробно охарактеризовать участие городских дум, управлений по делам земского хозяйства и земств в реализации правительственных инициатив в социальной сфере.

Наиболее информативны фонды Минской (ф. 24), Гомельской (ф. 2912), Мстиславской (ф. 2095), Пинской (ф. 712) городских дум в НИАБ в г. Минске; Брестской (ф. 1492) и Лидской (ф. 1564) в НИАБ в г. Гродно; Виленской (ф. 937) и Поневежской (ф. 1244) в ЛГИА. В них содержатся журналы заседаний и копии годовых смет доходов и расходов, материалы об открытии социальных объектов, ходатайства о реализации тех или иных социальных инициатив. Аналогичный материал представлен в фондах городских управ Минска (ф. 1), Витебска (ф. 2496), Орши (ф. 2102), Пинска (ф. 611) в НИАБ в г. Минске; Гродно (ф. 125) и Слонима (ф. 1046) в НИАБ в г. Гродно; Вильно (ф. 938) и Поневежа (ф. 1243) в ЛГИА; Ковно (ф. I-61) в КУА.

Материалы, отражающие участие управлений по делам земского хозяйства и земств белорусских губерний в реализации правительственной политики в социальной сфере, представлены в НИАБ в г. Минске. К ним относится фонд Минского губернского комитета по делам земского хозяйства (ф. 323), а также фонды губернских управ по делам земского хозяйства – Минской (ф. 324), Витебской (ф. 2519) и Могилевской (ф. 2079). Частично сохранились материалы земских собраний: фонды Минского губернского земского собрания (ф. 1265) и несколько фондов уездных земских собраний: Минского (ф. 1302), Новогрудского (ф. 1274), Речицкого (ф. 1286). С ними тесно связаны фонды губернских (Витебской (ф. 2515), Минской (ф. 325), Могилевской (ф. 2084)) и уездных (Витебской (ф. 2739), Лепельской (ф. 2660), Игуменской (ф. 327), Минской (ф. 326), Мстиславской (ф. 2088), Оршанской (ф. 2089) и пр.) земских управ. Данные фонды содержат доклады и журналы заседаний управ, отчеты о деятельности земств, дела об организации помощи нуждавшимся категориям населения, об открытии учебных заведений и больниц.

Таким образом, в РГИА, НИАБ в г. Минске, НИАБ и в г. Гродно, ЛГИА, КУА представлены делопроизводственные материалы, которые позволяют охарактеризовать содержание и основные направления правительственной политики в социальной сфере на территории белорусско-литовских губерний в 1861–1914 гг., оценить ее эффективность. В их состав входят документы различного характера: министерские циркуляры, отчеты, статистические сведения, разрешения на открытие и преобразование различных социальных объектов и пр.

Рогач В.В.

ЖЕТОНЫ КРУЖЕЧНЫХ СБОРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кружечный сбор – вид массового сбора денег на благотворительные цели. В Европе известен со Средневековья, где был распространен повсеместно. В России был признан Сенатским указом от 20 апреля 1781 года «О мерах к доставлению пропитания нищим» как инструмент сбора средств Приказами общественного призрения (губернские учреждения, созданные в 1775 году по велению императрицы Екатерины II для организации помощи бедным устройством больниц, школ, богаделен и сиротских домов). Указ, в частности, устанавливал: «Приказ общественного призрения, имея попечение о прокормлении неимущих, обязан учредить кружки для собирания в них подаяний, чинимых добродетельными дателями».

С конца XVIII века кружечные сборы стали устраивать частные лица, а с 1870-х годов – и благотворительные организации. И те, и другие действовали по согласованию с Министерством внутренних дел. В каждом случае обговаривалось место установки кружек, порядок изъятия, подсчета и регистрации собранных сумм.

Кружки, как правило, были жестяными, имели крышку с замком и прорезью для монет. Поначалу такие кружки (официально именуемые «общественными» или «сборными») обычно ставились при входе в храмы. Позже, в XIX веке, их также размещали в местах оживленной

торговли – в гостиных дворах и на уличных торжках, а также в помещениях железнодорожных вокзалов, в государственных и общественных учреждениях. Кружки обычно намертво крепились к каменной стене здания. Рядом, в пяти-шести шагах, обязательно находился охранник или полицейский, чтобы отвадить воров [4, с. 59].

Кроме стационарных кружек на рубеже XIX–XX веков стали использоваться и переносные. С ними ходили сборщики во время массовых благотворительных акций.

Во второй половине XIX века кружечные сборы были одним из самых распространенных видов сборов в Российской империи. Подобные сборы были удобны тем, что позволяли привлечь к благотворительным акциям большой круг лиц (люди охотно участвовали в сборах, поскольку эта форма филантропии была доступна каждому), кроме того, давали возможность дарующему самостоятельно определяться с суммой пожертвования. С другой стороны, вскрытие кружки уполномоченным лицом после окончания сборов давало возможность избежать утечки средств (подобные акции имели строгую отчетность и были прозрачны: о собранных суммах сообщали газеты). Тем самым, к кружечному сбору можно было привлекать самый широкий круг лиц, вплоть до детей.

Благотворительные организации усовершенствовали церковную практику, вручая участникам благотворительных мероприятий специальные знаки. Различные мероприятия проводились целый день и нередко в разных местах, так что для того, чтобы несколько раз не просить пожертвования у одних и тех же горожан, стали изготавливать специальные знаки, которые вручались жертвователю после того, как деньги опускались в кружку. Эти знаки прикалывались к одежде.

Знаки кружечных сборов были разнообразными – от марок и сувениров из бумаги, картона, ткани до нагрудных знаков самых разных форм (прямоугольник, овал, ромб, крест и т.д.). Жетоны кружечного сбора изготавливались из жести, латуни, серебра или же золота. Даритель получал жетон в зависимости от суммы пожертвования, и он в любом случае был дешевле взноса. Носили жетоны, как правило, на узкой ленте государственного флага (бело-синего-красного цвета). Многие носили по несколько жетонов, показывая, что совершили благородный поступок, пожертвовав деньги на хорошее дело.

Жетоны кружечных сборов из жести, как правило, односторонние. На лицевой стороне разноцветными красками сделаны надпись и соответствующее изображение. На оборотной стороне часто указывалась мастерская, которая его изготовила. Иногда помещался адрес и телефон фабрики или мастерской. Вверху – маленькое отверстие для крепления жетона.

Жетоны кружечных сборов заказывали благотворительные организации, которых в Императорской России было предостаточно: Общество спасения на водах, Попечительство о народной трезвости, Попечительство о слепых, Императорское Человеколюбивое общество, Призрение семей павших и раненных воинов, Детских приютов и т.д.

Устраивались благотворительные акции для сбора денег на помощь бедным, голодающим, детям, больным туберкулезом, раком и т.д.

С началом Первой мировой войны появились новые виды сборов. Благотворительные жетоны этого периода можно разделить на несколько групп. Одну группу составляют знаки, связанные с оказанием благотворительной помощи армии. Это сборы на медицинское оборудование и санитарное обслуживание, обмундирование, подарки солдатам к праздникам, книги и т.д. Другую (столь же массовую по величине) группу составляют знаки кружечных сборов в помощь жертвам войны: раненым, инвалидам, сиротам, семьям воинов, беженцам, военнопленным. Много знаков так называемых «единых сборов», проходивших под лозунгами «Солдатам и их семьям», «Для помощи участникам и жертвам войны», объединяющие оба направления благотворительной деятельности: и помощь фронту, и помощь пострадавшим от войны.

Существуют знаки сборов интернациональной помощи и сотрудничества. В годы Первой мировой войны российские общественные организации не раз проводили сборы в пользу населения сражающихся стран (особенно Сербии, Черногории, Бельгии, первыми вступивших в войну) или пострадавших от войны народов (например, армян). В разных городах России проводились так называемые «Дни флагов».

Кружечные сборы имели самое широкое распространение. Они проходили не только в Петрограде и Москве, но и в самых удаленных городках Российской империи. Актуальными в годы Первой мировой войны оставались и прежние направления благотворительности [3].

Жетоны кружечных благотворительных сборов из жести, в отличие от знаков из бумаги, картона или ткани, сохранились лучше, так как материал, из которого они были изготовлены,

оказался более долговечным. Большинство жетонов кружечных благотворительных сборов, имеющих в коллекции Витебского областного краеведческого музея, изготовлены на фабрике жестяных изделий М. Коки и М. Бирмана. Промышленная фирма "Кока М. и Бирман М." основана в 1860-х годах в Санкт-Петербурге Моисеем Кока (ум. 1912) и Меером Бирманом (ум. 1908). Специализировалась на изготовлении жестяной упаковки. Потребителями продукции являлись кондитерские, консервные и лакокрасочные предприятия, а также военное ведомство. В 1890-х годах при участии кондитерской фирмы Жоржа Бормана компаньоны открыли в Харькове вторую фабрику. В начале XX века годовое производство петербургской фабрики достигало 600 тысяч рублей. В 1911 году М. Кока преобразовал дело в торговый дом (в виде полного товарищества) с капиталом 30 тысяч рублей. С 1913 года фирму возглавляли наследники – Абрам Моисеевич Кока и Самуил Меерович Бирман. В число полных товарищей входили также Меер, Шолом и Самуил Мовшовичи Кока, а также Меер Меерович Бирман. Правление располагалось в Петербурге, Обводный канал, 30 [1].

Всего в коллекции фалеристики Витебского областного краеведческого музея имеется 25 жетонов благотворительных кружечных сборов, проводившихся в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: "В разуме – сила"; "На санаторию нервно больных солдат"; "Приют-ясли св. Анастасии" (2 ед.); "Всероссийское общество борьбы с раковыми заболеваниями"; "Помощь бедным" (2 ед.); "Общество попечения о бедных и больных детях"; "На борьбу с болезнью "Рак"; "На борьбу с детской смертностью" (2 ед.); "На народный воздушный флот"; "Воздушный флот – сила России"; "Невское общество пособия бедным"; "Общество борьбы с нищенством детей" (2 ед.); "Общество защиты детей от жестокого обращения"; "Трезвость – счастье народа"; "Светоч детства"; "Петербургское общество вспомоществования бедным"; "В помощь бедным детям"; "Общество попечения о бесприютных детях"; "Человеколюбием исправлять"; жетон в виде государственного флага Сербии; жетон в виде белого пятилепесткового цветка.

Проводя научную инвентаризацию жетонов, встал вопрос об истории их появления в музейном фонде. Записи в современных книгах поступлений музейных предметов не дали ответа на поставленный вопрос, т.к. в графе «Источник поступления» всех этих предметов значится: «Резвакуировано из Саратова 21.08.45 г., акт № 2». Но на отдельных жетонах сохранились наклеенные маленькие бумажные бирки со старыми учетными номерами и номерами, написанные черной тушью. Пришлось обратиться к документам, хранящимся в научном архиве музея. В книге «Опись музейных экспонатов по отделу государственно-общественного быта» (н/а ВОКМ. Ф. 6, д. 1. Л. 74-об.) в разделе «Расійскія мэдальі» обнаружилось записи, позволившие выявить источник поступления данных предметов коллекции. На листе 74-об. под номерами 726–751 перечислены 26 жетонов из жести. Источник их поступления указан один – «Музей ПНО» – музей Педагогического института народного образования, созданного на основе музея Витебской ученой архивной комиссии после ее ликвидации. Из 26 указанных в «Описи» жетонов на сегодняшний день сохранилось 25. Жетонов «На санаторию нервно больных солдат», судя по записи, было 2, имеется на сегодняшний день 1.

Под номерами 755–760 в «Описи» сделана запись: «Шэсьць кветак ад розных збораў: васілек, рамашка, анюціна глазка і тры іншых» (сохранена орфография оригинала). Источник поступления этих предметов тот же – «Музей ПНО». В коллекции фалеристики ВОКМ на данный момент имеется только один белый пятилепестковый цветок.

Кроме самих жетонов в коллекции фалеристики была выявлена булавка, которая, вероятно, использовалась для ношения жетона кружечного благотворительного сбора на одежде.

Надо сказать, что количество и разнообразие жетонов, даже только тех, которые имеются в собрании Витебского областного краеведческого музея, позволяют судить о размахе и направлениях благотворительности, существовавших в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. К сожалению, периодическая печать Витебска этого периода почти недоступна исследователям, а благодаря ей можно было бы установить, когда подобные благотворительные акции проходили в нашем городе, сколько было собрано средств и на что они были потрачены.

В настоящее время в обществе наблюдается возрождение традиции совершения гражданами добрых дел. Но она приобретает несколько другие формы – сбор средств осуществляется путем перечисления средств на счета благотворительных организаций или нуждающихся в помощи лиц. Деньги небезразличных к чужому горю людей безналичным образом перечисляются через интернет, операторами городской телефонной и сотовой связи. Только, пожалуй, общество Красного Креста еще осуществляет сбор наличных денег непосредственно в кружки, с которы-

ми ходят представители этой организации во время проведения благотворительных акций. Но никаких значков или жетонов жертвователям не вручается. Таким образом, уцелевшие жетоны кружечных благотворительных сборов конца XIX – начала XX в. являются не только памятниками своей эпохи, но и свидетельствами широкой благотворительности, проводившейся в Российской империи в то время.

1. Барышников, М.Н. Деловой мир России / М.Н. Барышников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru> – Дата доступа: 13.01.2017.
2. Благотворительность в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru>. – Дата доступа: 11.01.2017.
3. О выставке «Знаки кружечных сборов Первой мировой войны» [Электронный ресурс] // Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – Режим доступа: <http://www.vologdamuseum.ru>. – Дата доступа: 11.01.2017.
4. Ульянова, Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века / Г.Н. Ульянова. – Москва : Наука, 2005. – 404 с.

Щербак С.И.

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДОСУГА ДВОРЯНСТВА ХАРЬКОВЩИНЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Изучение повседневной жизни в историческом контексте является попыткой отобразить особенности сословной психологии людей, их привычки, взаимоотношения в кругу семьи, в обществе. Многие представители харьковской губернской элиты оставили после себя личные документы – дневники, воспоминания, письма. В них интеллектуальный досуг харьковского дворянства представлен как важный элемент повседневной жизни, что делает эти источники значимыми в изучении социально-культурного пространства Харьковщины.

Мемуарные источники имеют исключительное значение в изучении интеллектуального досуга дворянства. Воспоминания содержат информацию о читательских вкусах, о месте чтения в повседневной жизни. Мемуары позволяют проследить историю чтения, сделав выводы о состоянии образования дворянства, источниках пополнения домашних библиотек.

Цель статьи – на основе личных источников проанализировать интеллектуальные интересы представителей дворянства Харьковщины и охарактеризовать их досуг в XIX – начале XX в. Источниками в данной работе выступают письма (переписка харьковских дворянских родов Г.Ф. Квитки-Основьяненко [5], Е. В. Задонской [3], княгини Духовской [7–9]) и дневники Е.В. Задонской, А. Монтвид [3].

Письма выступали важным средством коммуникации между дворянскими семьями. Письма содержат сообщения о частной жизни, событиях, которые происходили в семьях, а также о личных увлечениях, в том числе, и интеллектуальном досуге.

Самым распространенным видом досуга в среде дворянства было чтение. В письмах дворян Харьковщины содержится информация, позволяющая судить об их читательских предпочтениях. Интересным источником в данном случае для нас могут послужить письма известного писателя Г.Ф. Квитки-Основьяненко, которые были опубликованы в журнале «Киевская старина» в 1892 г.

В период 1838 –1843 гг. Г.Ф. Квитка-Основьяненко вёл постоянную переписку со своим другом из Санкт-Петербурга А.А. Краевским, издателем журнала «Отечественные записки». В письме, датированном 1842 годом, известный писатель сообщал: «Милостливый государь Андрей Александрович! Благодаря вашим стараниям все выписанные Вами французские журналы на имя жены, включая *Journal de la literature de France*, которого и по сегодня нет в получении...» [5, с. 378]. Жена Г. Ф. Квитки-Основьяненко А.Г. Вульф, в прошлом учительница Харьковского института благородных девиц, на досуге читала как российских авторов, так и произведения французских писателей, которые печатались в журналах “*General de la litterature de la France*”, “*Magasin*”, “*Revue de Paris*”, “*Revue Etranger*” [5, с. 378–379]. Книги и журналы получались из столицы.

Кроме увлечения французской литературой, харьковские дворяне хорошо знали и произведения российских писателей. Из дневника Е.В. Задонской узнаем, что в её семье читали наизусть стихи В.А. Жуковского, А.С. Пушкина. Были им знакомы поэмы немецких поэтов Шиллера и Гёте, что свидетельствовало о разнообразии читательских вкусов: «...из-за плеча отца мы учили наизусть отрывков из сочинений Расина, Шиллера и русских поэтов...» [3, с. 10].